

Вечерняя газета

Выходить ЕЖЕДНЕВНО, не исключая дней послѣпраздничныхъ.

Подписная цѣна:

на годъ въ Одессѣ и на города 4 р.
 На 6 мѣсяцевъ 2 р.
 На 3 мѣсяца 1 р.
 На 1 мѣсяць 50 к.

Такса за объявленія:

Съ мѣста занимаемаго строкой петита
 На 1-ой страницѣ 20 к.
 На 4-ой страницѣ 10 к.
 Приложенія съ тысячи 10 р.

Отдѣльный №. продается по 3 коп.

Контора «Вечерней Газеты» — Дерибасовская, 19 — открыта отъ 8 ч. утра до 7 ч. веч.

Подписка и объявленія принимаются: въ Петербургъ и Москвѣ —

ней ярмарки насчитывалось свыше 400 открытых лавок на территории, теперь их только 290.

Корреспондент высказывает предположение, что «дѣловая, серьезная Москва» еще не трогалась съ мѣста. Однако, думается, тѣ-же причины «запоздания» были и въ прошломъ году. Торговля съ Востокомъ, составлявшая едва ли не главный «нервъ» ярмарки, въ нынѣшнемъ году, безъ сомнѣнія, сократится въ своемъ оборотѣ.

Голоса печати.

* * Г. Розановъ въ статьѣ «Писатель-художникъ и партія», написанной въ обычно-розановскомъ духѣ, т. е. талантливо, мѣстами остроумно, и мѣстами не совсѣмъ понятно, даетъ между прочимъ дѣйствительно вѣрное опредѣленіе дарованія Чехова.

Въ этомъ безвременьи, на этомъ безвременьи цѣлой эпохи, всей цивилизаціи—Чеховъ стоялъ вовсе не гигантскою фигурою, какъ о немъ посмертно «записали», безъ такта, перья, но благороднымъ, вдумчивымъ, талантливымъ лицомъ. Талантъ его всегда былъ и остался второго порядка: этого изумительнаго, титаническаго творчества, какое мы, слава Богу, видѣли у Гоголя, Толстого, Достоевскаго, конечно, самихъ намековъ на эти силы не было у Чехова, и онъ первый разсмѣялся бы, если бы стали у него ихъ искать. Но онъ умомъ и тонкостью натуры стоялъ выше своего, въ сущности очень грубаго, времени: и, мнѣ думается, онъ былъ обиженъ, оскорбленъ, помятъ какъ мотивами своего не признанія въ начальную пору писательства, такъ и мотивами послѣдующаго своего признанія.

Затѣмъ г. Розановъ касается «литературныхъ паспортовъ» вообще и убѣжденій Чехова въ частности: онъ говоритъ:

Мы хорошо помнимъ, какъ Н. Михайловскій останавливаясь на молодыхъ разсказахъ Чехова, признавалъ въ нихъ талантъ собственно письма, но всякій разъ сострадательно указывалъ, что ничего извлечь изъ этихъ разсказовъ нельзя, такъ какъ въ авторѣ не видно сколько-нибудь опредѣленныхъ «убѣжденій». Было слишкомъ прозрачно, что это значило въ устахъ такого «направленскаго» критика. Прозрачно было и въ смыслѣ предостереженія начинающему белетристу и въ смыслѣ зова, и въ смыслѣ иѣкоторой угрозы. Ибо дирижёрская палочка Михайловскаго махала не только надъ толпою сотрудниковъ своего журнала, но съ нею сообразовались сотрудники еще цѣлаго ряда другихъ однородныхъ журналовъ.

Собирая всю сумму этихъ данныхъ, останавливаясь съ большимъ вопросомъ относительно литературы и начинаешь думать, не лежитъ ли въ ней самой причина того приблизительно вырожденія, упадка талантовъ у насъ и въ Европѣ, какое мы отмѣтили въ началѣ? Ибо «твердость направлений» и въ Европѣ та же, хотя можетъ быть она и не высказывается нигдѣ такъ жестко, какъ у насъ. Литература раздѣлилась на «программы дѣйствій» и требуетъ отъ каждаго новаго писателя какъ бы подписи идейнаго «присяжнаго листа».—«Подпишись—и мы тебя прославимъ!»—«Ты отказываешься? Мы—проклинаемъ тебя». Всего этого нельзя осудить по существу. Литература и должна быть программна. Но это—дѣло очень сложное.

Въ общемъ, однако, г. Розановъ не думаетъ, чтобы Чеховъ дѣйствительно принадлежалъ къ одной партіи. Слишкомъ уже литературныя направленія записаны на одномъ мѣстѣ. То, что партія говорила 20 лѣтъ тому назадъ, то же говорила она и 10 лѣтъ назадъ и, пожалуй, будетъ говорить черезъ 10 лѣтъ.

Общество вообще интереснѣе теперь, чѣмъ литература—и это есть страшная и роковая для литературы черта. Какъ отзывалось оно на смерть Чехова! Это—хорошій симптомъ. Общество не дремлетъ. И рѣшительно нужно подняться литературѣ.

Нельзя сказать, чтобы въ этихъ словахъ не было истины.

* * Какъ китайцы—не администраторы, а простой народъ—понимаютъ нейтралитетъ и какъ выполняютъ его, объ этомъ находимъ характерный разсказъ у корреспондента «Востока. Обзорія».

Покупаешь, напримѣръ, фуражиръ солонку у китайца. Половину запаса китайца продаешь, а въ другой отказывается.

— Почему не продаешь всю? Я деньги заплачу,—говоритъ фуражиръ.

— Японцы придутъ, ему нужно будетъ,—пренаивно заявляетъ китаецъ, онъ тоже куши-куши хочетъ.

Это говорится совершенно спокойно, безъ всякаго намѣренія сказать или сдѣлать несправедливость русскому.

* * Корреспондентъ «Торг-Промышленной Газеты» такимъ образомъ начинаетъ свое письмо съ Нижегородской ярмарки.

«Официальное открытіе Нижегородской ярмарки—поднятіе ярмарочныхъ флаговъ—послѣдовало въ текущемъ году при заключенныхъ лавкахъ, забитыхъ амбарахъ большинства ярмарочныхъ помѣщеній и при незначительномъ числѣ прѣбывавшихъ коммерсантовъ и то, главнымъ образомъ, низшихъ служащихъ торговыхъ фирмъ, посланныхъ устраивать магазины и разбирать товары. Такъ, къ началу прошлагод-